

К 60 ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

АВИАЦИОННЫЙ ТЕХНИК ЮРИЙ АРТЕМОНОВ

Артемонов Юрий Александрович, г.Покров, 2005 г.

«Война закончилась! Фашисты разбиты, немецкое командование подписало безоговорочную капитуляцию, с Победой, товарищи!» — сказал командир перед строем солдат. «Урраааа!» — закричали дружно воины. «Война закончилась, — снова произнёс командир, когда крики смолкли, — переходим к мирной жизни!»

Эта радостная весть прозвучала утром 9 мая 1945 года на одном из аэродромов в Германии, где базировался 59-й авиаполк 2-ой гвардейской Черниговско-Речицкой штурмовой Краснознаменной ордена Суворова авиадивизии. Больше двух тысяч её воинов за всё время войны были награждены орденами и медалями, тридцати двум бойцам присвоено звание Героя Советского Союза. Здесь завершилась Великая Отечественная война для Артемонова Юрия Александровича.

Юрий Александрович родился в городе Покрове 29 августа 1926 года. Отец работал бухгалтером в лесничестве, а мама — телеграфисткой на почте. Когда Юре исполнилось 13 лет, семья Артемоновых пришлось испытать большие неприятности. Для многих такие неприятности стали жизненной трагедией.

В истории Покрова 1937 год запомнился горестным годом репрессий. «Почти полгорода было репрессировано, половина мужчин всего города отправлена в лагеря. Почти всех мужчин, живших на улице Советской (до революции Дворянская), арестовали», — вспоминает Юрий Александрович.

Люди жили в страхе и ожидали по ночам в тревоге стук беды в дверь. Но к Артемоновым пришли бедняки. Провели обыск и забрали все дореволюционные фотографии, арестовали отца. Трое детей (Юра, Ираида, Людмила) и их мать остались одни.

Причиной ареста стало чьё-то воспоминание о том, что Александр Артемонов до революции служил в российской императорской армии в чине штабс-капитана, то есть был царским офицером.

Люди «с горячим сердцем, чистыми руками и ясной головой» осудили его по 58 статье как врага советского народа на десять лет без права переписки и отправили в лагерь на Дальний Восток.

«Мать моя не смирилась с этим, — говорит Юрий Александрович, — она стала добиваться освобождения отца, писала письма «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинин».

Мой отец, 1896 года рождения, учился на офицера вместе с Георгием Жуковым и Василием Чапаевым, участвовал в Гражданской войне, как и они, в Красной Армии. Мать добилась встречи с Калининым. Он принял нас, маму и меня, в Москве. Я хорошо помню Калинина, как мать разговаривала с ним. Благодаря Михаилу Ивановичу отец пробыл в лагере всего два года и вернулся живым домой. А до освобождения отца мне иногда приходилось слышать от некоторых: «А! Ты, этакий-разэтакий, ты сын врага народа!»

Отец вернулся домой, но жизнь уже не была прежней: как будто что-то сломалось, как будто была утеряна или похищена безвозвратно драгоценная реликвия этой семьи...

Время шло вперёд, мальчишки не задумывались о том, что происходит в мире. После семилетней школы Юра Артемонов поступил в Покровский педагогический техникум. В нём готовили учителей начальных классов...

Весело было кататься с друзьями на лодках по Белому озеру на Введенском, там, где на острове в монастыре была устроена жен-

ская колония. Чистая вода разлеталась радужными брызгами от ударов деревянных вёсел. Припекало жаркое июньское солнце 1941 года. Около трёх часов дня, а может, и позже, 22 июня ребята, вдоволь накатавшись, пристали к берегу и стали придумывать, чем бы заняться ещё. Тут они увидели идущего незнакомого мужчину. Он подошёл к ним. «Ребята, война началась, по радио Молотов объявил», — сказал мужчина. «С кем война?» — «На нас Германия напала», — ответил мужчина, развернулся и ушёл.

Подростки пошли в Покров. «Мы тогда даже и представить себе не могли, что скрывается за таким простым, коротким словом «война», — сказал Юрий Александрович. — Когда мы пришли в Покров, то увидели, что все дороги забиты плотным потоком ехавших машин. Никогда в жизни мы не видели такого количества автомобилей!»

Потом, ближе к осени, начались налёты немцев на Покров. Наступило тяжёлое голодное время. Хлеб выдавали по карточкам, по карточкам давали и сахар, но чаще — сироп или сахарин.

При покровском педагогическом техникуме была столовая, учеников немного подкармливали и ещё им выдавали ежедневно 500 грамм хлеба — как служащим. Старшая сестра Ираида, 1924 года рождения, тоже получала 500 граммов, младшая, Людмила, — 300 граммов. При доме Артемоновых был небольшой, всего одна сотка, земельный участок. На нём сажали картошку, морковь, огурцы.

«Всю «лишнюю» одежду мать меняла на хлеб. Специально для этого она пешком ходила в Удмуртию, в сторону Казани, в Арзамас, как и многие другие покровчане. Хорошо, если приносила не зерно, которое надо было ещё смолоть, а муку, — говорит Юрий Александрович. — В покровской-то округе земля плохая — рожь не сеяли. Ещё можно было что-то обменять на еду на рынке в г. Орехово-Зуево. Покровчане ещё выживали потому, что большинство домов тогда были частные и у каждого какой-нибудь кусочек земли находился. А вот в Орехово-Зуеве тяжелее было. И от голода умирали там люди. Дома считай все городские. На фабрике работа очень тяжёлая».

Карточной нормы, понятно, не хватало. Правда, люди могли в лесу грибы, ягоды собирать да рыбку в реке Клязьме поймать.

Нас, мальчишек, обязывали заготавливать дрова для техникума, в Иваново мы ходили и для дома дрова пилили».

В августе 1943 года Юрия, других учеников техникума из десятого класса, всего 16 человек, призвали в армию. Ребятам выдали по телогрейке.

«Дали ещё по четвертинке водки на человека и повезли нас в Орехово-Зуево (тогда Покров входил в Орехово-Зуевский район), — продолжает рассказ Юрий Александрович. — Приехали мы в Дом советов на Ленинской улице, и всех нас сразу, оптом, без расспросов и вопросов в комсомольцы записали. Выдали нам комсомольские билеты, сказали только: «Распишитесь». После чего всех отправили в Переславль-Залесский, в 32-ю дивизионную школу младших авиаспециалистов. В Переславле нам сразу же выдали новое обмундирование. Учились мы с августа 1943 года по февраль 1944 года. Нас учили на мотористов — помощников механиков. Мы изучали самолёт Ла-5. Питание, правда, было скверное, одно слово — «баланда». На обед две ложки кашеной капусты без ничего, на ужин — «шрапнель» т. е. перловая каша. Масла в ней совсем не ощущалось. Жили мы в казармах. В одной казарме размещался взвод (20-25 человек). Температура в казарме зимой и осенью не поднималась выше десяти градусов. Почему так плохо топили, я сейчас уже не помню. Валенки или сапоги у нас не было, поэтому и зимой приходилось топать в ботинках, обмотанных тряпьем. А портянки мокрые сушили своим телом, клали на нары и ложились спать на них. Короче, так нам было хорошо, что все ученики рвались на фронт. Да и старички — начальники наши, командир взвода и помощник командира взвода, говорили не раз: «Потерпите немного, ребята, на фронте лучше будет». Во время учёбы у нас был армейский режим: в 7 часов подъём, потом завтрак, до двух часов дня занятия, обед и снова занятия. В 10-11 вечера отбой».

Закончив училище, Юрий Александрович в звании младшего сержанта в феврале 1944 года был направлен в Белоруссию, в село Бронное, в 59-й гвардейский штурмовой авиаполк. В трёх километрах от села находился аэродром с двенадцатью самолётами Ил-2. Технический персонал размещался в двух больших деревянных домах. По восемнадцать человек в доме.

«При каждом самолёте, — рассказывает Юрий Александрович, — находились механик, моторист, мастер вооружения. Вот мы и жили в этих домах. А лётчики и стрел-

ки размещались в других домах».

Спали авиаторы на деревянных нарах. Вместо матраца — сено, обитое мешковиной, вместо подушки — вещмешок солдатский, вместо одеяла — шинель. Одеяла у них появлялись только в Германии.

Каждый день техперсонал обслуживал два три вылета. Самолёты из Бронного летали на Брест и на Барановичи.

У солдат были хорошие дружеские отношения. Никакой дедовщины, никаких издевательства. «Мы и перед командирами не тянулись в струнку, — говорит Юрий Александрович. — Каждый хорошо понимал, что вести себя плохо нельзя, что все мы зависим друг от друга. Да и опасно было техников обижать. Исправность самолёта — жизнь лётчиков, а она была в наших руках».

В мае 1944 года лётчики пригнали из Куйбышева новые самолёты — штурмовики Ил-10. «Задача штурмовика — уничтожать наземные цели, — говорит Юрий Александрович. Штурмовики были оснащены двумя пушками Волкова — Ярцева (23 мм), пулемётом

раньше, чтоб успеть оснастить «железную птичку». Летом совершалось до пяти вылетов ежедневно. Поэтому спали на чехлах прямо под крылом самолёта. После трёх-четырёх вылетов, уже поздно вечером, механики получали в столовой сто граммов. Было частенько, что стрелок настолько увлекся работой, что возвращался на землю с провисшим от горячего накала стволом пулемёта. А боезапас всегда расстреливался весь. Пулёмёт сразу же ставили новый. И пушки приходилось менять. После окончания полётов с самолёта по правилам надо было снимать пушки, а одна пушечка весит восемьдесят килограммов. Снабжение боеприпасами и вооружением было хорошее. Кроме того, при аэродроме находилась полевая авиаремонтная мастерская (ПАРМ).

«Довелось и мне один раз полетать, — говорит Юрий Александрович. — К этому времени я уже переучился на механика по вооружению. Пришлось, потому что людей не хватало. В обязанности механика по вооружению входит загрузка бомб, снарядов и патронов к пулемёту. Вот как-то перебазировались мы с одного аэродрома на другой. Нас, механиков, посадили на места стрелков, чтобы по прилёту на новый аэродром мы, не медля, приступили к загрузке самолётов боекомплектом. Стрелки ехали к аэродрому машинами. Тогда наши войска брали Варшаву. В небе летели «пешки» (Пе-2), «Бостоны», ТБ, ИЛы. Штурмовики на самой низкой высоте летели. И вот вдруг в небе появились немецкие самолёты. И я стрелял с двумя другими товарищами. Мы сбили немецкий самолёт, по-моему, это был Фокке — Вульф. За этот бой мне и дали медаль «За отвагу».

Ещё Юрий Александрович награждён двумя медалями «За боевые заслуги».

Летом 1944 года в ходе Белорусской наступательной операции (23 июня — 29 августа) Советская Армия вступила на польскую землю. С 1944 по 1945 год в эскадрилье Юрия Александровича погибли шесть экипажей. Особенно большие потери лётчики понесли при освобождении Варшавы. Он со скорбью особо вспоминает один экипаж: «Был лётчик Панин. Его представляли к звезде Героя Советского Союза, у него стрелком был друг мой, старшина Долганов Аркаша. Они не вернулись... Это случилось в последние дни апреля 1945 года... Тяжело терять друзей, вдвойне тяжелее их терять на пороге Победы...»

Не скоро вернулся домой Юрий Александрович. До 1951 года он служил в Германии. В 1949 году он первый раз приехал в Покров в отпуск из армии и 7 ноября женился на давней подруге Ане. Она училась с ним в техникуме, провожала в армию. Все эти годы они писали друг другу письма в ожидании долгожданной встречи.

Они прожили в согласии и любви более пятидесяти лет. Отпраздновали «золотую свадьбу». В январе этого года Юрий Александрович овдовел. У него есть сын и двое внуков. Сам он бережно хранит память о своей жене, вспоминая прожитые вместе годы, трудности и горести, преодолённые вместе, и радости. Ведь согласно пословице: горе на двоих — полгоря, радость на двоих — две радости.

Роман Игнатов

